

САМОПОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В РОССИИ

В статье анализируется история становления общественного сознания в России, особое внимание уделяется особенностям его формирования.

Прослеживается влияние манихейской, скифской и других пограничных со славянским миром культур на современный менталитет россиян. В славянском фольклоре акцентируется внимание на антитезе «Правда-Кривда». Делается вывод о том, что изначально для общественного сознания славянского этноса было характерно прямолинейное противопоставление добра и зла, эмоции героев даются в черно-белом варианте: либо радость, либо скорбь. Подобный первоначальный дуализм в культуре был характерен для всех народов. Но идея синтеза полярности пробивала себе дорогу сначала в элитарную культуру, а затем становилась достоянием широких слоев населения.

Однако проблему преодоления крайностей в России поставили только в конце XIX вв. Этот поиск оказался не востребованным практикой. После Октябрьского восстания 1917 г. в России возобладал лишь один полюс. В настоящее время началось формирование этой срединной культуры, и этот процесс будет продолжаться еще очень долго. Так как социокультурный раскол общества не преодолен. В результате модернизация в современных условиях сдерживается во многом из-за отсутствия поддержки широких слоев населения.

Исследование зарождения русского централизованного государства вокруг Москвы приводит автора к мысли, что даже к началу XX в. в России так и не сложилось единого типа самосознания. Страна к этому времени представляла своеобразный социальный феномен. На ее территории находились анклавы различных типов цивилизаций. Это европейский, исламский, буддийский и др. Соответственно были и различные типы общественного сознания. В результате попытки механического перенесения на российскую почву западного типа общественного самосознания с каждым годом усиливают его отторжение.

Ключевые слова: общественное сознание, культура, менталитет, фольклор, цивилизация.

Актуальность исследования самопознания состоит, в первую очередь, в критическом изучении общества. Беда России состоит в том, что на протяжении всей ее истории рефлексия, самосознание отставали от утилитарных задач, которые решало общество. Это приводило не только к

замедлению развития, но и к массовому возникновению мифо-утопических представлений об окружающей реальности, путях развития общества, а в целом вело к дезорганизации и разрушительным последствиям в национальных масштабах. Дело не в одном или нескольких неправильных решениях, а в систематической утопической практике.

Для понимания истинного характера происходящих в России современных процессов и прогнозирования ее будущего недостаточно опираться на анализ геополитических интересов различных социальных групп, внешних влияний, честолюбивых устремлений политиков и т.п. Требуется детальное изучение проблем, связанных с культурой, которые всегда, сохраняя свое значение, приобретают наибольшую остроту в кризисные моменты, когда в обществе усиливается потребность переосмысления пройденного пути с целью корректировки курса. В этом ряду одно из первых мест занимает проблема общественного самопознания. Данная проблема не является чисто философской. В переломный период для страны она представляет практический интерес не только для интеллектуалов, но и для всего населения. Эта проблема позволяет сфокусировать внимание всего общества к таким вопросам, как самоидентификация в окружающем мире, побуждает задуматься над тем, что объединяет нацию, над своим прошлым и стоящими перед ним целями и т.п.

Данная проблема давно волнует мыслителей. Об этом писали и говорили И. Киреевский, В. Соловьев, В. Ключевский, А. Герцен, Г. Флоровский, Н. Лосский, Н. Бердяев, Г. Федотов, Д. Мережковский, австриец Вальтер Шубарт и многие другие. Бурные события середины 80-х – начала 90-х гг. XX в. стимулировали анализ сложившейся исторической практики в России. Особым подходом выделяется А.С. Ахиезер. Он дал, прежде всего, определение социокультурной специфики российского общества на основе оригинальной версии цивилизационного подхода к человеческой истории.

Предложил свою периодизацию циклов русской истории, длинных «исторических волн». Причем он выводит их из массовых изменений в нравственных ориентациях людей, из логики этих изменений, несомненным является его вклад в разработку философского воспроизводственного метода, позволяющего обнаружить особый тип противоречий, впрямую связанных со способностью общества обеспечивать свою жизнедеятельность и самовоспроизводство. [1, с. 59-61]

Для российского общественного сознания характерна историческая инерция, то есть приверженность к освоенному опыту. Это способствовало систематическому отставанию в социальных инновациях и, следовательно, снижению адаптированных возможностей общества, его приспособленности к постоянно меняющейся обстановке. Корни такой ситуации я вижу в социокультурном расколе общества. На него обращал внимание еще Н. Бердяев. Он считал, что противоречивость русской души определяется сложностью исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элементов. Не последнюю роль сыграл географический фактор. Именно на территории России сошлись Европа и Азия. По определению Л.И. Семенниковой, «при крутых поворотах исторические вихри сдвигали страну то ближе к Западу, то ближе к Востоку. Россия представляет собой как бы дрейфующее общество на перекрестке цивилизаций магнитных полей» [2, с. 34]. Сплав двух цивилизаций порождает особую цивилизацию. Ее невозможно понять без менталитета народа. На становление менталитета славянского этноса оказала влияние скифская культура. Скифы населяли степи Северного Причерноморья и активно взаимодействовали с праславянскими земледельческими племенами. В III веке н.э. скифы восприняли от Ирана в качестве главного божества Мазду в религиозной оболочке манихейского учения.

Для него характерно восприятие мира с помощью семантических, бинарных противоположностей. Например, свет – тьма, небо – земля, истина – ложь, добро – зло. Мифологичность учения Мани способствовала популярности манихейской доктрины, прежде всего там, где еще была жива или господствовала архаичная мифологическая традиция [3, с.106]. Несомненно, славяне заимствовали элементы этого учения. Наиболее зримо это проявилось в языческой реформе 980 г. Владимира. В результате ее был создан пантеон языческих богов. В него вошли Перун, Макошь, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл. Последние четыре божества в той или иной мере связаны с иранской языковой стихий. Манихейство, привлекало простотой объяснений сложных общественных реальностей. Люди, которые отпали от добра, могут приобщиться только к злу. Поэтому все проблемы можно решить через уничтожение носителей зла. Они могут принимать форму классов, сословий, отдельных групп, личностей, даже государственности в целом. Может быть, здесь находится первооснова вековой вражды богатых и бедных? А в России тяга к уравнительности всегда была огромной. Поэтому большевистские семена социальной розни упали на благодатную почву. Да и сейчас население подвержено гипнозу простых решений.

Влияние манихейства на славянскую и русскую культуру можно проследить в литературных произведениях и особенно в фольклоре. Последний для нас имеет особо важное значение, так как в нем преломляется представление нации о внешнем и внутреннем мире.

В народном творчестве постоянно присутствует антитезис «Правда-Кривда», происходит прямолинейное противопоставление добра и зла, эмоции героев даются в черно-белом варианте: либо радость, либо скорбь. В литературе, Правда и Кривда также вступают в бескомпромиссную борьбу. Правду победить нельзя в принципе. На земле она может временно уступить Кривде, но, при этом она улетает на небо, где Кривде уже нет места. Борьба

за Правду, по мнению А. Клибанова, «представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле [4, с. 9]. Не здесь ли истоки постоянного поиска Правды в России? Противопоставление Правды и Права? Совести и Закона?

Первоначальный дуализм в культуре был характерен для всех народов. Но идея синтеза полярности пробивала себе дорогу сначала в элитарную культуру, а затем становилась достоянием широких слоев населения. Уже Аристотель оптимальное поведение видел посередине, равно удаленной от двух крайностей. В русской же литературе преобладал бинарный подход. Достаточно вспомнить названия лучших произведений XIX в. «Война и мир» Л. Толстого, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Горе от ума» А. Грибоедова. Проблему преодоления крайностей в России поставили только в конце XIX вв. В первую очередь, необходимо отметить концепцию всеединства В. Соловьева, идеи о срединной культуре Н. Бердяева. Однако этот поиск оказался не востребованным практикой. После Октябрьского восстания 1917 г. в России к тому времени возобладал лишь один полюс. Отсутствие традиций срединной культуры привело к тому, что в российском массовом сознании один полюс ассоциируется с идеалом, с которым человек хочет слиться, а другой рассматривается как чуждый. В результате, если в обществе начинается процесс модернизации, то он воспринимается как инородное явление, разрушающее уже освоенную культуру. Она представляется, по мнению А. Ахиезера, как и самоудовлетворенность психического и культурного самоощущения сложившимися отношениями, образом жизни и т.д. Это состояние связано с привычными ритмами окружающего мира. Дискомфортное состояние воспринимается как противоестественное, вызывающее отвращение, ужас, как хаос, разрушающий жизнь. Это ощущение нарастающего хаоса может носить индивидуальный и массовый характер, охватить крупные группы людей. Оно

может вызывать шок, растерянность, потерю способности своевременно принимать решения» [1, с. 87].

В настоящее время началось формирование этой срединной культуры, и этот процесс будет продолжаться еще очень долго. Поэтому социокультурный раскол общества не преодолен. В результате модернизация в современных условиях сдерживается во многом из-за отсутствия поддержки широких слоев населения.

Фольклор позволяет проследить и другие отличительные черты русского национального сознания. Ведь его истоки восходят к начальному периоду становления славянского, а точнее, праславянского этноса. Здесь для раскрытия нашей проблематики наиболее интересен эпос. Он представляет собой ценнейшую часть начальной стадии развития культуры. Она вбирает в себя те или иные образы и мотивы, сложившиеся еще в первобытнообщинную эпоху, то есть до того времени, когда этот эпос действительно стал формироваться [5].

Необходимо разграничивать эпос в собственном смысле слова и те элементы сознания и творчества, которые предшествовали его формированию, а, войдя в него, обрели уже совсем иной смысл и значение. Эпос можно сравнить с ненаписанной летописью, которая передавалась на протяжении столетий из поколения в поколение. Во многом в нем отражалось складывающееся национальное самосознание, мироощущение и мировосприятие средневекового человека. Средневековье представляло бурлящий поток, в котором сливались деяния различных народов языческих викингов Скандинавии, православной Византии, католической Западной Европы, исламского Арабского халифата, иудаистского Хазарского каганата и т.д. В этот мощный поток влилась и Киевская Русь, особенно это касается эпохи Ярослава Мудрого.

Об интернациональном характере эпоса можно судить по взаимопроникновению героев, в эпос других народов. Так, объединяющий герой русского эпоса князь Владимир является (под именем Вальдемар) и героем исландской «Саги об Олафе Трюггвасоне». В норвежской «Саге о Тидреке Бернском» Владимир (Вальдемар) уже рядом с Ильей (Илиас), который представлен как побочный брат Владимира. Само действие саги разворачивается непосредственно на Русской Земле, упоминаются Новгород, Смоленск, Полоцк и т.д.

Несомненно, общность средневековой жизни породила общие сюжетные линии в русском и западноевропейском эпосе. Так, доминирующей темой была борьба с иноземными врагами, иноверцами. Однако концептуальные основы, на которых разворачивалась эта борьба, были принципиально различными. Если в рыцарских хрониках воспеваются завоевания, насильственное крещение язычников, то в русских былинах красной нитью проходит идея защиты своей Родины:

Вы постоите-тко за веру, за отечество,
Вы постоите-тко за славный Киев-град.

В древнерусских былинах нет сюжетов, основанных на религиозных войнах. Отсутствует даже сама идея религиозной и расовой вражды. Кроме того, в отличие от западноевропейского, в русском эпосе ни борьба за славу и богатство, ни верность первому лицу, ни кровная месть не стали определяющими темами. Как раз, наоборот. В русском эпосе всегда была сильна идея самоограничения.

Наиболее рельефно она проявляется в архаичной былине «Святогор и гроб». Святогор, обладающий огромной силой, сродни Вотану из древнегерманской Валлгалии, его тяжести не выдерживает «мать сыра земля» Он сам не может преодолеть «Тяги земной», заключенной в суме, пытаясь поднять суму, он уходит ногами в землю. Так в былине

иносказательно противопоставляются Земля и Святогор. Они в некотором роде антагонисты. Недаром он похваляется: «Как бы я тяги нашел, так я бы всю землю поднял». Святогор не стоит на защите родных рубежей, не входит в дружины русских богатырей и сказители помещают его где-то на окраине Древней Руси, как будто народное сознание дистанцируется от него. В былине Святогору противопоставляется любимец Руси – Илья Муромец. Настоящей битвы между ними не получается. Богатырские удары Ильи Святогор не ощущает и все же их встреча заканчивается гибелью последнего. Здесь отразились коренные отличия античного и западноевропейского эпоса от русского. Древняя Русь, которая быстрыми темпами строила свою государственность, изначально не прельщалась титанами с их нечеловеческой мощью.

Эта мысль ярко раскрывается в былине «Святогор и тяга земная». Умирая, Святогор передаст Илье Муромцу свою мощь, выдыхая ее из уст в уста. С каждым вздохом Илья набирает огромную силу. Еще чуть-чуть и Муромец станет сверхбогатырем. Казалось бы, сознание молодого народа должен привлечь как раз этот чудовищный избыток силы. Однако оно отвергает трагическую обреченность одинокого титана с его неземной мощью. Илья останавливает Святогора словами: «Довольно, не надо мне твоей боле силушки». В западноевропейском эпосе подобного примера самоограничения найти очень трудно, в то время как для русского сознания это вполне объяснимое явление. Илья, сделавшись таким же исполином, как Святогор, был бы вырван из тесного круга народного единства. Он стал бы всемогущим и одновременно одиноким. Тем самым он принес бы мало пользы своей Родине и своему народу [3, с. 421]. Святогор изолирован от других героев былинного эпоса. Илья Муромец здесь нужен только для того, чтобы присутствовать при гибели Святогора и как бы усваивать пагубные уроки чрезмерной и нецеленаправленной силы. Может быть, здесь заложено

основное различие между западноевропейским и русским мировоззрением. Первое воспитывает культ одиночек, второе противопоставляет ему культ единого общества, чувство меры, полноту человеческого бытия. Сквозь столетия этот сюжет предстает перед нами как прозорливый наказ наших предков о том, что без добровольного самоограничения, без заботы о благе другого и взаимопомощи человечеству не выжить.

Западноевропейская концепция человека основывается на идеологии индивидуализма. В наиболее концентрированном виде она представлена в работе лауреата Нобелевской премии Фридриха фон Хаека «Дорога к рабству». Истоки западного индивидуализма философ находит в античности и христианстве. Именно в индивидуализме он видит спасение не только западной, но и мировой цивилизации. Основной чертой индивидуализма, по мнению Хаека, является «движение к личности как таковой, то есть признание абсолютного суверенитета, взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфичной она, ни была ...». [6, с.40]. Причем философия индивидуализма носит узко прагматический, даже утилитарный характер. Призвание человека сводится к удовлетворению физических потребностей, а стремление к более высоким целям неумолимо ведет к тоталитаризму - рабству XX века. Ученый ставит человеческое сообщество перед выбором: либо индивид удовлетворяет собственные потребности, либо он будет «принимать деятельное участие в благоустройстве каждого, кого знает». Хотя выбора принципиально здесь нет. Исследователь сразу заявляет, что выбор второго пути и есть «дорога к рабству». То, что характерно для русской нации, ее души: бескорыстие, примат духовных ценностей над материальными, стремление к справедливости – не только не находит места в концепции Хаека, но, наоборот, цинично им осуждается [6, с. 42].

На мой взгляд, принятие таких концепций неограниченного индивидуализма на уровне государственной политики в современных условиях может привести к пагубным последствиям, особенно реанимация доктрин национального эгоизма начала века. Одна лишь экологическая проблема сметает на своем пути какие-либо государственные границы. Чернобыльскую катастрофу, озоновые дыры, СПИД и т.д. не остановил ни один пограничный пост. Без добровольного самоограничения не выживет само общество всеобщего потребления.

Сравнивая русский эпос с аналогичными произведениями народов Западной Европы, мы далеки от мысли показывать превосходство его сюжетных линий, фабулы, слога. Нам было важно выделить не общие, а самобытные, наиболее характерные черты, отличающие русский эпос от западноевропейского. Именно они дают возможность понять своеобразие каждого народа, его культуры.

Для понимания национального самосознания большое значение имеет исследование всех типов сознания, существующих в обществе. До сегодняшнего дня еще не существовало государств, в котором функционировал бы только один тип самосознания. Очевидно, это и невозможно, так как в обществе всегда присутствуют различные типы самосознания, например, религиозное, этническое, государственное, классовое и т.д. Они находятся в сложном взаимодействии, и влияние каждого не является постоянным. Оно изменяется в зависимости от многих факторов. Если ни один из существующих типов самосознания не в состоянии выразить настроения и чаяния большинства членов сообщества, то последнее, как правило, поражено вирусом нестабильности. Здесь очень велика вероятность социальных взрывов. Преобладание же в обществе одного из типов самосознания не означает исчезновения его других разновидностей.

Ранее мы уже отмечали, что для самосознания западного общества характерен индивидуализм. Его идеология значительно укрепилась после успехов рыночного хозяйства. Именно тогда, когда уровень экономики позволил обеспечить для широких слоев населения качественно новый уровень жизни, в массовом сознании Запада стал утверждаться тезис, что судьба каждого человека зависит только от его личных качеств – предприимчивости, трудолюбия, интеллекта и т.п.

Для России проблема самосознания осложняется рядом специфических факторов. Во-первых, процесс государственного объединения начался на малопродуктивных землях вокруг Москвы, то есть в зоне рискованного земледелия. Беда русского земледелия была не в том, что оно не могло прокормить крестьянина, а в том, что не могло создать достаточного количества излишков. Это порождало порочный круг: низкие урожаи вели к низкой покупательной способности, что, в свою очередь, приводило к отсутствию инвестиций в сельское хозяйство, а это вновь к низким урожаям и т.д.

Сегодня менее 5 процентов наших земель сравнимы по естественному плодородию с земельным фондом США [7, с. 121]. В итоге Россия не располагала необходимыми ресурсами, которые давали бы ей возможность подвести под выгодные ей стереотипы самосознания прочный фундамент материального интереса.

Во-вторых, русский крестьянин всегда нуждался в расширении своего надела. Экстенсивный тип хозяйствования толкал его постоянно на освоение новых земель. Он проникал туда намного раньше государства, самостоятельно обустроившись на новом месте, находил контакт с коренным населением. И лишь затем правительственные войска «юридически» оформляли вхождение новых земель, которые уже фактически освоил крестьянин. Может быть, тогда сформировалось умение русских жить в

согласии с другими национальностями. Отсутствие ярко выраженных националистических тенденций? У русских самоидентификация не шла по национальной линии. Главной была приверженность к православию. Кроме того, интенсивная колонизация не могла проходить без сильной армии. А для ее содержания необходимо было заставить большую часть населения добровольно отдавать не только прибавочный, но и часть необходимого продукта. Решение этой задачи было найдено в свертывании личной свободы и развитии института крепостничества. Отсутствие традиций гражданского общества привело к гипертрофированной роли государства, которое в лице монархии выступало гарантом стабильности, обеспечивало население необходимыми жизненными благами, хотя и на низком уровне. Ослабление государства приводило к национальной трагедии, метко названной в народе термином «смута». Поэтому для русского менталитета характерен этатизм.

В-третьих, Российское государство вышло из недр Московского удела. Московская династия, расширяя свои владения, переносила на все большую территорию традиции, устройство своего родового поместья. Это наложило отпечаток на самосознание правящей элиты. Она не терпела инакомыслия, оппозиции. Постепенно была уничтожена боярская аристократия, после раскола XVII в. православная церковь интегрировалась в государственную машину. Наличие независимой оппозиции и церкви ограничивали абсолютизм на Западе, и даже в период наивысшего расцвета последнего, они не давали уничтожать гражданское общество.

В-четвертых, для национального самосознания не прошло бесследно более чем двухсотлетнее монголо-татарское иго. Точно это выразил русский мыслитель Г.П. Федотов, который акцентировал внимание на том, что «не извне, а изнутри татарская стихия овладела душой Руси, проникала в плоть и кровь» [8, с. 201]. Наибольшему влиянию, по моему мнению, подвергалось сознание тогдашней правящей элиты. В борьбе за ярлык побеждали князья,

которые лучше всех служили врагам своей Родины, лучше всех собирали дань, т.е. обирали свой народ. Говоря современным языком, они были коллаборационистами. Успех, благосостояние правящей элиты зависел не от собственного народа, а от врагов своей страны. Это привело к тому, что у власти не сформировалось чувство ответственности перед своим народом, а у населения – традиций контроля власти. Эти два важнейших субъекта общества во многом действовали автономно. Образно это выразил Н. Карамзин: «В России наверху тьма власти, внизу власть тьмы».

Эти и другие причины способствовали тому, что даже к началу XX в. в России так и не сложилось единого типа самосознания, под знамена которого хотела бы встать большая часть общества. Страна к этому времени представляла своеобразный социальный феномен. На ее территории находились анклавные различия типов цивилизаций.

Прибалтика, западные и центральные районы Белоруссии, Украины, Курляндия, Финляндия, Польша, центр России составляли регион европейской цивилизации. Здесь складывался свой тип самосознания. В нем преобладал приоритет личности, частной собственности, рационализм, идеи прогресса, постоянного развития, готовность к инновациям.

Аграрные области, малые и средние города России представляли собой по терминологии В. Ключевского «почву». Этот уклад был самым многочисленным. В нем господствовало общинно-корпоративное устройство, вертикальные связи, отношения подданства. Его отличительной чертой было замедленное развитие. Для самосознания этой части населения характерно господство коллективизма, уравнивательные принципы социальной справедливости, антисобственнические настроения, идеалы общинной демократии и православия [2, с. 145–147].

Районы Средней Азии, Азербайджана, Кавказа и Башкирии, Казахстана были сердцевинной мусульманской цивилизации. Этот анклав был

масштабным, но крайне неоднородным. Сюда входили еще кочевые и полукочевые народы, жившие в условиях родовой общины, имело место даже патриархальное рабство. Культура оседлой части мусульманского сегмента снижалась, так как была отрезана от мусульманских центров. Достаточно сказать, что, когда русские пришли в Бухару, самые грамотные знали четыре действия арифметики. На формирование самосознания данного региона мощное воздействие оказывал ислам, который старался регламентировать жизнь человека даже в мелочах. На первое место выходили духовные ценности, и человек мог себя реализовать лишь в виде религиозного совершенствования. Здесь главенствовала община, которая подавляла личность, насаждала уравнительность, но одновременно защищала каждого отдельного человека.

Вхождение Калмыкии в состав царской империи увеличило влияние буддийского анклава. Для него характерно корпоративное устройство на основе общины, полукочевой образ жизни. Буддизм являлся основой сознания и познания окружающего мира. Для него характерно отрешение от земных радостей, страданий, медитация, духовное самосовершенство, погружение в нирвану, обожествление верховной власти. Для буддистов Екатерина II была земной богиней.

Малые народы Севера, Сибири, по определению Л.И. Семенниковой, составляли природные сообщества. Они вели кочевой или полuosедлый образ жизни. В социальной организации господствует коллективизм: община (родовая, клановая). Государства еще нет, но существуют властные отношения, регулирующие процессы внутри общества. Сущность этого типа цивилизации: неизменность, гармония и единство с природой. В общественном сознании этих народов отсутствует понятие прошлого, будущего, нет идей о необходимости изменений, развития. Для них существует лишь время текущее и время мифическое, в котором живут боги

и души умерших предков. Вся жизнь сообщества подчинена природному смыслу [3, с. 148].

Попытки царского правительства внедрить в общество единый тип самосознания не имели успеха. Достаточно вспомнить уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность». «Почва» и «Цивилизация» говорили на разных языках. Интеллигенция, которая была призвана внести эту формулу в массовое сознание, находилась в оппозиции режиму, а другие социальные слои, например национальная буржуазия, оставались к подобным теоретическим исканиям толерантными.

К началу XX в. русское общество так и не успело выработать некую сумму общих представлений о себе самом, которую разделяли бы все его слои. Это в значительной степени обусловило духовный кризис в России, создало благоприятную почву для восприятия представителями различных общественных групп идей, обосновывающих и закрепляющих расчленение социального организма по классовому признаку, для распространения этого принципа на ее культуру, т.е. духовные ценности. Именно разобщенность населения России обусловила широкий отклик, который находила в среде крестьян, рабочих, части мелкой буржуазии концепция двух России: России самодержавия, эксплуататоров, туеядцев и России угнетенных тружеников, бунтующая, революционная. По тем же причинам широкое распространение у нас получила теория «двух культур», классовой борьбы как главного двигателя исторического процесса. Эти идеи были обязаны своим глубоким внедрением в российское общественное сознание не только своим создателям, но и той почве, на которой они прививались. Организованное сверху уничтожение церкви, продажа за рубеж ценнейших произведений искусства, разгром крестьянами помещичьих усадеб, сожжение уникальных библиотек во многом были явлениями одного порядка.

События 1917 г. означали, с одной стороны, слом старого общественного устройства, а с другой - создание качественно нового социального организма. С ликвидацией сословий исчезли и присущие им типы группового самосознания. Новая власть интуитивно схватила общинный идеал, утопические устремления к всеобщей справедливости и равенства у широких слоев масс. Для них открылись новые перспективы и возможности для реализации своих запросов.

Практически все население страны было втянуто в гигантский социальный эксперимент по переустройству жизни. Первоначально он сопровождался энтузиазмом, который сменился невиданным сталинским насилием. В конце 1950-х годов попытка возродить народный идеал справедливого государственного устройства в виде бесклассового коммунистического общества значительного прилива энергии не вызвала. Общество все больше и больше подвергалось духовной эрозии, усиливалась апатия, увеличивался разрыв между официальной идеологией и реалиями повседневной жизни. Эти процессы катализировали выход из международной изоляции, интенсификация интернациональных контактов, особенно на межличностном уровне. Сравнение двух социально-экономических систем было явно не в пользу СССР. Незаметно происходило обесценивание общественных идеалов. Это, в свою очередь, порождало враждебно-циничное отношение не только к «социалистической» морали, но и к вековым нормам общечеловеческой нравственности.

В итоге тип общественного самосознания, который начал утверждаться в СССР после 1917 г. лишился своей нравственной опоры. Его несоответствие социально-экономическим и политическим реалиям становилось все очевиднее.

Драматизм современного положения российского общества заключается в том, что в мире вновь нет примеров подобного состояния

общества. Попытки механического перенесения на российскую почву западного типа общественного самосознания с каждым годом усиливают его отторжение.

Сказанное выше дает основания для определенных выводов. Проблема самосознания ставит нас перед необходимостью характеристики общества. На наш взгляд, Россия, несмотря на многочисленные модернизации, относится к традиционному обществу, корни которого уходят в цивилизацию аграрную. Попытки его сравнения с западноевропейской цивилизацией далеко не всегда являются корректными, поскольку там уже сформировалось, так называемое, современное общество, возникшее как продукт индустриальной цивилизации. Разумеется, в действительности традиционное и современное общество в чистом виде не встречаются. Любое традиционное общество уже в какой-то мере модернизировано, перенимает западные технологии, понятия, социальные и политические институты. А любое современное общество, к примеру, США или ФРГ несет в себе какие-то архаические черты. И не только несет их в себе как пережитки, но и порождает их, культивирует в своем развитии – воспроизводит утраченный традиционализм.

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 896 с.
2. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л. И. Семенникова. – Брянск: Курсив: 1995. – 369 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия. – Т. 2. – М.: Олимп, 1997. – 1371 с.
4. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России/ А.И. Клибанов. – М., 1997. – 240 с.
5. См. подробнее: Chaplygin V. Chaplygina N., Mets E. Het dualisme en het collectivisme als Kenmerken van de Russische nationale identiteit enker (cultuur) historische beschouwingen //Oost – Europa Tydingen. Saarganq XXIII. – September, 2001. – № 41. – С. 20–29.
6. Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 23 – 45.
7. Наш современник. – 1997. – № 9. – С. 101–143.
8. Федотов Г.П. Россия и свобода / Г.П. Федотов // Знамя. – 1989. – № 12. – С. 192–210.

У статті аналізується історія становлення суспільної свідомості в Росії, особлива увага приділяється особливостям російського суспільства і культури.

Ключові слова: суспільна свідомість, культура, менталітет, фольклор, цивілізація.

The article examines the history of the formation of public consciousness in Russia; special attention is paid to the peculiarities of its formation.

The influence of Manichean, Scythian and other border cultures with the Slavic world in the modern mentality of Russians is shown. In Slavic folklore attention focuses on the antithesis of "Truth-Injustice". It can be summed up that a straightforward opposition of good and evil, the emotions the characters are in black and white characterized the original public consciousness of the Slavic ethnic group: either joy or sorrow. Such dualism in the original culture was common to all peoples. But the idea of synthesis polarity made its way firstly into elitist culture, and then became the property of the general population.

However, the problem of overcoming the extremes in Russia delivered only in the end of XIX century. This search was not high demanded practice. After the October uprising of 1917 in Russia prevailed only one pole. At present, the formation of the middle culture begins, and this process will continue for a very long time because the socio-cultural division of society is not overcome. As a result modernization in present conditions is constrained largely because of the lack of support of the general population.

The study of the nucleation of Russian centralized state around Moscow leads the author to the conclusion that even the beginning of the XX century in Russia had not developed a unified type of consciousness. Country at this time was a peculiar social phenomenon. On its territory there were enclaves of different types of civilizations. They were European, Islamic, Buddhist and others. Accordingly, there were different types of social consciousness. As a result, attempts to mechanical transfer to Russian soil the western type of public consciousness every year enhance its rejection.

Key words: public mind, culture, folklore, civilization.

1. Akhyezer A. S. Rossyia: krytyka ystorycheskoho opyta (Sotsyokulturnaia dynamyka Rossyy) / A. S. Akhyezer. – Novosybyrsk: Sybyrskyy khronohraf, 1997. – 896 s.
2. Semennykova L. Y. Rossyia v myrovom soobshchestve tsyvylyzatsyi / L. Y. Semennykova. – Briansk: Kursyv: 1995. – 369 s.
3. Myfy narodov myra. Entsyklopedyia. – T. 2. – M.: Olymp, 1997. – 1371 s.
4. Klybanov A. Y. Narodnaia sotsyalnaia utopyia v Rossyy / A. Y. Klybanov. – M., 1997. – 240 s.
5. Sm. podrobnee: Chaplygin V. Chaplygina N., Mets E. Het dualisme enhet kollektivisme als Kenmerken van de Russische nationale identiteit enkere (cultuur) historische beschouwingen // Oost – Evropa Tydingen. Saarqanq KhKhSh. – September, 2001. – # 41. – S. 20–29.
6. Voprosy fylosofyy. – 1990. – # 10. – S. 23 – 45.
7. Nash sovremennyk. – 1997. – # 9. – S. 101–143.

8. Fedotov H. P. Rossyia y svoboda / H. P. Fedotov // Znamia. – 1989. – # 12. – S. 192–210.

© Чаплигін В. П.

Стаття надійшла до редколегії 16. 06. 2014 р.